

ЛИНГВИСТИКА В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 811.161.1'366
ББК Ш141.12-21

ГСНТИ 16.21.41

Код ВАК 10.02.01

И. В. Замятина
Пенза, Россия

Г. Ю. Сызранова
Тольятти, Россия

АДЪЕКТИВАЦИЯ И СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЧАСТНЫХ ФОРМ: ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССА И ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантики и грамматики русских причастий, проблемам адъективации и субстантивации причастных форм. Авторы выделяют два процесса в системе причастий: сущность первого процесса — переход причастных форм в систему прилагательных и существительных с полной утратой глагольного семантического и грамматического компонентов, итог — образование омонимов. Этот процесс можно обозначить как адъективацию и субстантивацию причастий. Второй процесс — усиление именного компонента причастных форм, частичная утрата глагольных компонентов. Этот процесс можно обозначить как адъективирование или окачествование и субстантивирование или опредмечивание. Основой и первого, и второго процессов является универсальная семантика причастной формы.

Ключевые слова: причастие; адъективация; универсальная семантика; русский язык.

I. V. Zamyatina
Penza, Russia

G. Yu. Syzranova
Togliatti, Russia

ADJECTIVIZATION AND SUBSTANTIVIZATION OF PARTICIPIAL FORMS: THE PROCESS AND TERMINOLOGY

Abstract. The article discusses the problem of semantics and grammar of participles in Russian, as well as the their adjectivization and substantivization. The article describes two processes in the system of participles. The first process is transition of participle into the system of adjectives and nouns with the complete loss of verbal semantic and grammatical components, the result of it is appearance of homonyms. This process is called adjectivization and substantivization of participles. The second process is the strengthening of the nominal component of participial forms and partial loss of their verbal components. This process may be called adjectivization or qualitative transfer and substantivization or subject transfer. The basis for these processes is the universal semantics of a participle.

Keywords: participle; adjectivization; universal semantics; Russian language.

Причастие — грамматическая категория, место которой в системе частей речи до сих пор не определено, так как в силу своей семантики оно не может быть однозначно отнесено к той или иной бесспорной категории.

По мнению А. М. Пешковского, бесспорными категориями являются имя существительное, имя прилагательное, глагол и наречие, которые он называет «основными частями речи и основными грамматическими категориями» [Пешковский 1956: 103]. Границы между «бесспорными категориями» относительно прозрачны, и причастие может дрейфовать между ними, в большинстве случаев оставаясь, по нашему мнению, в рамках того, что А. М. Пешковский называл «глагольным словом», он называет причастие «смешанной частью речи», но потом все-таки отмечает несомненную связь его с глаголом: «Причастие, деепричастие и инфинитив, несмотря на то, что первые два принадлежат другим частям речи, оказываются <...> теснейшим образом связанными с глаголом. То, что в школьных учебниках эти три группы вместе с самим глаголом определяются под одной этикеткой глагола, хоть и нелогично, но не лишено грамматического смысла» [Там же: 132].

В. А. Богородицкий одним из первых определил промежуточное положение причастия, отнес

его к придаточным частям речи, имеющим собственное значение. Он считал, что причастие представляет собой «образование прилагательных от глагола с удержанием некоторых глагольных свойств», что позволяет ему занимать «посредствующее положение между глаголом и именем прилагательным» [Богородицкий 1935: 104-105].

Хотя вопрос о грамматическом статусе «смешанных» частей речи ставился уже в XIX веке, в отечественном языкознании эта проблема разрабатывалась в XX в. и связана в первую очередь с именем В. В. Виноградова. Им были осмыслены многообразные противоречивые грамматические явления, что позволило констатировать неразрывную связь всех уровней языка: «...В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса. Синтаксис — организационный центр грамматики. Грамматика, имманентная живому языку, всегда конструктивна и не терпит механических делений и рассечений, так как грамматические формы и значения слов находятся в тесном взаимодействии с лексическими значениями» [Виноградов 1972: 31].

Что касается определения грамматического статуса причастий, то В. В. Виноградов называет их

«категорией гибридно-прилагательных форм», а в своей работе «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» раздел о причастиях помещает в главу об именах прилагательных. Определяя причастие как «поток форм», который идет непосредственно от глагола в систему имен прилагательных, В. В. Виноградов отмечал, что в причастии «глагольность выражается как окачествлённое действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного» [Там же: 221].

Таким образом, основные положения во взглядах В. В. Виноградова на систему причастий современного русского языка можно сформулировать следующим образом:

- медленный отход, «дрейф» причастий от системы глагола;
- процесс образования новой гибридной лексики и, как результат, процесс распада единства причастных форм;
- взаимодействие «стихий глагола и стихий прилагательного» по-разному отражается в разных грамматических типах причастий [Там же: 230].

С целью разрешения споров в определении статуса причастия Ю. Д. Каражаев и Е. С. Качмазова в своей статье призывают отказаться от «маятникообразного движения» в формулировке его грамматической природы. Как отмечают авторы, не только в русской грамматике, но, например, и в системе осетинского языка (являющегося «наиболее последовательным преемником индоевропейского праязыка») место причастия не определено. И, что представляется нам наиболее важным, расхождения в определении статуса причастия, по мнению исследователей, порождены «лингвистическим феноменом» самого причастия. Правда, исследователи полагают причины феномена причастия в том, что «оно появляется только после глагола и имени, появляется между ними, от их «брака». Забрав в себя все главные признаки родителей<...> причастие становится самим собой и занимает своё достойное место среди остальных частей речи» [Каражаев, Качмазова 2005. URL]. Отмечая важность вывода о «лингвистическом феномене» причастия, мы позволим себе не согласиться с авторами статьи во взгляде на последовательность возникновения данного явления. Из существования самого факта своеобразия причастных форм в грамматической системе вовсе не следует та причинно-следственная связь, которую пытаются обозначить исследователи.

Наиболее соответствующей нашему представлению о месте и статусе причастия в грамматической системе русского языка необходимо признать схему, предложенную В. В. Виноградовым и в наибольшей степени приближающуюся к полевой теории построения частеречной системы. В виноградовской схеме учтено движение и взаимовлияние частей речи и грамматических категорий [Виноградов 1972: 37].

Система русских полных причастий неоднородная. Как мы знаем, выделяются четыре типа полных причастий — действительные причастия настоящего и прошедшего времени и страдательные настоящего и прошедшего времени. Любой тип

причастия может быть употреблен в каждой из пяти возможных синтаксических позиций, характерных для полного причастия: распространенное обособленное или необособленное определение, обособленное одиночное определение, согласованное препозитивное определение, позиция сказуемого и позиция синтаксического актанта. Совокупность синтаксических позиций полных причастных форм мы определяем как позиционное пространство причастия [Замятина 2009: 19-24].

Любой тип причастия включает глагольную и именную (в широком смысле слова) семантику и грамматику. Проявление и акцентирование глагольной или именной сущности причастной формы зависит от многих факторов — контекста, синтаксической позиции и — самое главное — от семантики исходного глагола.

На основе обзора работ, посвященных проблеме грамматического статуса причастия, его позиционного пространства, с неизбежной необходимостью следует констатация его семантической неоднородности. Исследователей волнует вопрос определения семантической природы причастных форм.

Так, Е. Ю. Карпенко высказывает сомнение в правомерности употребления термина «признак»: «понятие «признак» имеет достаточно большой объем и приложимо к широкому кругу явлений разнообразной природы, в том числе и к такой семантической категории, как «действие». Поэтому утверждение о том, что в причастии «сочетаются значения действия и признака предмета», является, по меньшей мере, двусмысленным и фактически объединяет понятия разного уровня обобщения (видовое и родовое)» [Карпенко 2004: 5]. Возникает у автора вопрос и по поводу представленного в академической грамматике определения семантики причастия как совмещающей значение действия со значением «собственно определительным» [Русская грамматика 1980]. «Понятие «определение» характеризует, прежде всего, функциональный аспект и потому лишь косвенно, опосредованно сопоставимо с понятием «действие», являющимся преимущественно категорией семантического плана», — пишет Е. Ю. Карпенко [Карпенко 2004: 6]. По мнению исследовательницы, функциональное поле полного причастия определяется двумя полюсами — функцией предиката и атрибутивной функцией, а точнее, атрибутивно-номинативной. Отметим, что под второй функцией Е. Ю. Карпенко понимает обозначение, номинацию вместе с определяемым словом некоторого объекта, т. е. атрибутивная функция включается в более широкую функцию номинации [Там же: 3]. Между функциями полного причастия, с точки зрения автора, нет четких границ — они находятся в положении неустойчивого равновесия.

С приведенной точкой зрения на семантику причастия соотносительна позиция И. К. Сазоновой, выделяющей у причастия глагольные, стивные и адъективные значения. Стивные и адъективные значения, по мнению автора, «не выходят за рамки глагольной семантической зоны» [Сазонова 1989: 9-11].

Для нашего исследования особый интерес представляет оригинальная концепция о происхождении

дении частей речи А. А. Потебни. В частности, интересными являются высказанные ученым мысли о соотношении глагола, имени и причастия. Так, по мнению Потебни, первоначальное слово было лишено всяких формальных признаков и не являлось ни существительным, ни прилагательным, ни глаголом. Он называет такие слова «первообразными причастиями», в которых были свойства современных имен (А. А. Потебня имеет в виду единство имени существительного и прилагательного) и глаголов. Такое первоначальное слово, по мнению ученого, было более похоже на имя, чем на глагол, но впоследствии, выделив из себя имя, стало ближе по значению к глаголу [Потебня 1874: 108].

На основании данной концепции мы можем говорить не о гибридном или синкретичном характере семантической природы причастия, а о закономерных процессах в области причастных форм, отражающих универсальную семантику древнего причастия. Так, понятие «синкретизм», согласно определению, данному в энциклопедическом словаре «Языкознание», подразумевает «совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме» [Языкознание 1988: 446]. В нашем случае речь идет не о совпадении, а об онтологической сущности семантики древнего причастия, об ее универсальности на ранних этапах развития языка.

Рассматриваемые в статье процессы адъективации и субстантивации причастий непосредственным образом отражают их грамматическую, а главное — семантическую универсальность. В определенных синтаксических позициях глагольная сущность причастной формы может выходить на первый план или же «затемняться», уступая место именному (адъективному или субстантивному) компоненту семантики. Именно в последнем случае и возникает проблема грамматического статуса причастной формы, а также некоторая путаница в терминологическом определении наблюдаемого явления: *расстроенный отец, шарканье ног танцующих* и т. п.

Так, взгляды ученых на процесс адъективации и на результаты этого процесса порой противоречивы, и это неслучайно — в науке не существует четких критериев определения того, окончательно или не окончательно причастие отошло от своего исходного глагола.

И. К. Сазонова определяет два значения термина «адъективация»: это, во-первых, переход причастий в прилагательные в результате изменения семантических свойств и, во-вторых, процесс образования особых адъективных значений [Сазонова 1975: 93].

Два типа адъективации причастий выделяет и Ю. П. Князев. Первый тип — когда в семантической структуре причастий развиваются переносные значения, которые характерны для качественных прилагательных, в результате развития этих значений происходит «семантический отрыв причастия от формы исходного глагола». Второй тип адъективации — когда происходит переосмысление значений вида, времени и залога. При этом причастная форма не утрачивает связи с этими глагольными категори-

ями: «для причастий прошедшего времени совершенного вида характерно обозначение состояния, являющегося результатом предшествующего действия (ср. *освещённые окна, промерзшая земля*), а для действительных и страдательных причастий настоящего времени — обозначение способности выполнять действие или подвергаться воздействию извне (ср. *вьющиеся растения, печатающее устройство, нержавеющей сталь*)» [Князев 2000]. Определяя таким образом два типа адъективации, исследователь подводит к мысли о разграничении процессов, имеющих разные результаты: первый тип можно назвать «внешней» адъективацией, второй — «внутренней». Семантический отрыв, присущий первому типу адъективации, свидетельствует, по крайней мере, об образовании новой лексемы. Второй же тип, на наш взгляд, можно отождествить с понятием «дрейфа» (по В. В. Виноградову) причастных форм, при котором происходит трансформация семантики причастия, связанная с «переосмыслением значений вида, времени и залога», но полного отрыва не наблюдается.

Существует также мнение, отрицающее процесс адъективации. Так, Е. А. Иванникова считает: «...процесса адъективации причастий не может существовать. Образование причастий и есть уже адъективация глагольной системы. Причастия переходят из процессуальной разновидности прилагательных в разряд качественных прилагательных аналогично тому, как относительные прилагательные переходят в качественные» [Иванникова 1974: 300]. Е. А. Иванникова предлагает различать два разных процесса — адъективацию и окачествление: «Адъективация предполагает семантическое развитие причастий в отрыве от их объективно существующей морфологической формы, окачествление предполагает его неразрывно связанным с этой формой» [Там же: 301].

Термин «окачествление», по нашему мнению, более предпочтителен в том смысле, как он употреблен В. В. Виноградовым. Причастия окачествляются, приобретают семантику качественности в результате ослабления его глагольной сущности — заглушения его категориальной семантики процессуального признака в результате утраты глагольных морфологических категорий вида, залога, времени и в результате утраты глагольного управления, что, в свою очередь, может диктоваться синтаксической позицией причастной формы и условий контекста. Причастие даже в позиции согласованного препозитивного определения, позиции, первичной для имени прилагательного, может оставаться причастием, сохраняя свою двойную семантическую и морфологическую сущность.

Таким образом, в системе причастных форм наблюдаются два процесса — первый заключается в полной потере семантической связи причастной формы с исходным глаголом и потере глагольных категорий, в этом случае образуется ряд грамматических омонимов, например: *блестящий минерал* (причастие) — *блестящий учёный* (прилагательное). Этот процесс, в результате которого происходит образование прилагательного, чаще всего в резуль-

тате развития переносного значения, можно определить как *адъективацию* причастной формы. Если причастная форма в позиции согласованного препозитивного определения (позиции, первичной для имени прилагательного) акцентирует значение признака, который изначально содержится в причастной форме, то этот процесс нельзя отнести к адъективации. В этом случае можно говорить об *окачествлении* в понимании В. В. Виноградова или адъективировании причастия. В результате этого процесса причастие не разрывает семантической связи с исходным глаголом и не теряет грамматических глагольных категорий, оно обозначает процессуальный признак, развивающийся во времени, например: *Туман некоторое время держится застывшей пеленой над самой рекой* (В. Некрасов); *И встречает угаснувший день!* (А. Блок).

Нечто подобное мы наблюдаем и в отношении субстантивированных форм причастия (причастия в позиции синтаксического актанта).

Термин «субстантивация» используется как в словообразовании, так и в морфологии. В понятийном аппарате словообразовательной области дается следующее определение: «Субстантивация — один из способов образования существительных прилагательного склонения (морфолого-синтаксический)» [Лукин 1973: 84]. Под этим углом зрения главное внимание обращено на выделение субстантивации как одного из неморфологических способов образования слов. В этом смысле субстантивация определяется как способ, «при котором средством выражения словообразовательных отношений является коренное изменение грамматических признаков производного слова по сравнению с производящим» [Современный русский язык 2007: 215]. Существительные, образованные таким способом, названы «субстантиватами» (вместо термина «субстантивированные слова»), данное название выступает в значении родового термина по отношению к видовым — «субстантивированные прилагательные», «субстантивированные причастия» [Лопатин 1967].

В морфологической области исследований субстантивация определяется как процесс взаимодействия лексико-грамматических категорий, при этом основное внимание уделяется характеристике самого процесса: условиям, при которых он протекает; изменениям, которым подвергается исходная часть речи в процессе перехода, и т. п.

Таким образом, выступая в качестве объекта изучения в смежных, но разных областях лингвистического исследования, субстантивация представляется как комплексное явление, сложный языковой процесс, вмещающий разнородные факторы, что существенно затрудняет его научное осмысление. Являясь одним из способов образования слов, при котором производные слова не имеют какого-либо специального словообразовательного аффикса, субстантивация в то же время может быть полной и неполной.

Полная субстантивация — это собственно словообразовательный процесс, при котором исходное слово окончательно перешло в разряд имен существительных и не употребляется в качестве иной категории слов (например, *портной, лесничий*). Под не-

полной субстантивацией понимают такой переход в имя существительное, при котором сохраняется употребление исходной части речи в ее исконном значении (*пленный, русский* и др.) [Протченко 1958: 8].

Например, Л. К. Граудина следующим образом описывает процесс перехода адъективных слов в существительные: «Они как бы совершают путь по гигантской лестнице времени, останавливаясь подолгу на разных ступеньках перехода» [Граудина 1983: 86]. Исследовательница выделяет три таких «ступени»: первая — «субстантивированные прилагательные и причастия, образованные путем вычленения из словосочетаний в результате опущения, утраты существительного»; вторая ступень — «такие образования, которые всем нам известны как существительные, но при желании мы можем превратить их и в прилагательные: *больной* (человек), *млекопитающее* (животное), *посевная* (кампания)»; и самая последняя ступень — полная субстантивация (слова, полностью перешедшие в разряд существительных и давно уже имеющие самостоятельную форму рода и числа).

Таким образом, явление субстантивации не является единообразным, существует проблема отнесения субстантиватов к тому или иному типу, иногда же речь идет о степени субстантивации. Так, А. М. Пешковский в работе «Русский синтаксис в научном освещении» отмечает различную степень субстантивации прилагательных: «Многие слова сейчас стоят еще на пути от прилагательных к существительным, причем одни сделали уже большую часть пути, другие еще только вышли в путь, а некоторые стоят как раз на полдороге» [Пешковский 1956: 122]. Такие слова, как *заказное* (*письмо*), *гербовая* (*бумага*), *холерный*, *тифозный* (*больной*), А. М. Пешковский относит к единицам с недостаточной степенью субстантивированности.

Существует еще ряд названий, определяющих виды субстантивации. Так, С. Г. Ильенко предлагает разграничивать абсолютную и относительную субстантивацию: при первой — «словоформа приобретает не только все морфологические и общие синтаксические признаки имени существительного, но и тождественное с ним функционирование в тексте», при второй — «изменение морфологической и синтаксической природы словоформы не сопровождается её полным текстовым перерождением» [Ильенко 1977: 25].

Кроме того, предлагается деление субстантивации на узуальную иokkaзиональную. А. Н. Лукин говорит об узуальной субстантивации как устойчивом виде, аokkaзиональную характеризует как неустойчивый вид [Лукин 1973 (2): 85]. В свою очередь, В. В. Лопатин в подобном делении основывается на противопоставлении речи и языка:okkaзиональную субстантивацию относит к области речи, а узуальную — к языковой системе [Лопатин 1967: 216].

В первую очередь, обращает на себя внимание неоднозначность в области терминологии, используемой исследователями для обозначения таких единиц, как полные причастные формы в позиции синтаксических актантов. Распространенный в научной литературе термин «субстантивированные причастия» не позволяет дать более точное, детали-

зированное описание существующего явления. Термин «субстантиват» характеризует переход причастных форм в сферу имен существительных, оставляя за рамками такое явление, как «опредмечивание» причастий, и зачастую смешивая равноуровневые процессы (словообразование и область семантики). На наш взгляд, для разграничения «полных» отпричастных субстантиватов и причастных форм, подобных субстантиву, т. е. имеющих его функцию, но сохраняющих семантическую связь с исходной глагольной лексемой, возможно применение понятия «субстантивант». Последнее более точно характеризует случаи так называемой «неполной» субстантивации.

Таким образом, и в отношении причастных форм в позиции синтаксических актантов, в первую очередь, следует развести термины «субстантивация» и «опредмечивание», или «субстантивирование»: первый относится к словообразовательной области, второй касается процессов, протекающих в рамках глагольно-именного лексико-грамматического класса и отражающих явления семантического сдвига в пределах глагольной парадигмы. Позиция синтаксического актанта для данного типа причастной формы не определяет эти формы как имена существительные (срав.: *доброта любящих — доброта любящих друг друга; группа сочувствующих — группа сочувствующих его учению* — усиление глагольности субстантивата при наличии управляемых зависимых слов).

Влияние синтаксических связей причастной формы в позиции актанта на реализацию тех или иных сторон семантики приводит нас к мысли о выдвинутости позиционного пространства причастия как критерия типизации его субстантивированности. Имел ли данный критерий определяющее значение для последующего (в диахроническом плане) перехода субстантивированных причастий (субстантивантов) в имена существительные (субстантиваты) — этот вопрос требует особого рассмотрения.

Подводя итоги, возможно высказать следующие положения:

- причастие — категория, обладающая универсальной семантикой и универсальными грамматическими свойствами (семантикой и грамматикой глагола и имени в широком понимании);
- система русских полных причастий в ее современном состоянии неоднородна;
- разные типы полных причастий по-разному способны проявлять свою именную или глагольную сущность;
- в системе причастий можно наблюдать два процесса: первый процесс проходит в области словообразования, в результате которого образуются омонимы — прилагательные и существительные; второй процесс — в рамках самой причастной формы, его результат — сдвиг значений в сторону именной семантики и частичная утрата глагольных категорий, причастная словоформа не переходит в разряд именных частей речи и остается в системе причастий;
- первый процесс мы можем определить как *адъективация и субстантивация*, второй — как

адъективирование (окачествование) и субстантивирование (опредмечивание).

ЛИТЕРАТУРА

- Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. — Изд. 5-е. — М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1935. — 254 с.
- Виноградов В. В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972. — 614 с.
- Граудина Л. К.* Беседы о русской грамматике. — М.: Знание, 1983. — 128 с.
- Замятина И. В.* Грамматика русского причастия: монография. — Пенза: ПГПУ им. В.Г. Белинского, 2009. — 264 с.
- Иванникова Е. А.* О так называемом процессе адъективации причастий // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. — М., 1974. — С. 279-304.
- Ильенко С. Г.* Явления грамматической переходности и их отражение при обучении русскому языку (на примере субстантивации прилагательных) // Семантика переходности. — Л., 1977. — С. 23-30.
- Каражаев Ю. Д.* Двуприродность причастий и проблема их морфологического статуса [Электронный ресурс] / Ю. Д. Каражаев, Е. С. Качмазова // История и философия культуры. Актуальные проблемы: сб. научных трудов / под ред. С. В. Архипова. — Владикавказ: Северо-осетинский госуниверситет, 2005. — Вып. 8. — Режим доступа: <http://svarkhipov.narod.ru/puryurii.ht.n>.
- Карпенко Е. Ю.* Функционально-семантический потенциал полного причастия в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Карпенко Елена Юрьевна. — М., 2004. — 15 с.
- Лопатин В. В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. — М., 1967. — С. 205-232.
- Лукин М. Ф.* Морфология современного русского языка. — М.: Просвещение, 1973. — 232 с.
- Лукин М. Ф.* Трансформация частей речи в современном русском языке. — Донецк: Изд-во Донецк. ун-та, 1973. — 100 с.
- Пешиковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. — Изд. 7-е. — М., 1956. — 451 с.
- Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1. — Воронеж: Типография Н.Д. Гольдштейна, 1874. — 161 с.
- Протченко И. Ф.* О субстантивированных прилагательных и причастиях со значением лица // Русский язык в школе. — 1958. — № 4. — С. 7-11.
- Русская грамматика. — М.: Наука, 1980. — Т. I. — 783 с.
- Сазонова И. К.* Русский глагол и его причастные формы. Толково-грамматический словарь. — М.: Русский язык, 1989. — 587 с.
- Сазонова И. К.* Причастия в системе частей речи и лексико-семантическая деривация // Вопросы языкознания. — 1975. — № 6. — С. 87-98.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. — 685 с.

REFERENCES

- Bogoroditskiy V. A.* Obshchiy kurs russkoy grammatiki. — Izd. 5-e. — M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo, 1935. — 254 s.
- Vinogradov V. V.* Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). — M.: Vysshaya shkola, 1972. — 614 s.
- Graudina L. K.* Besedy o russkoy grammatike. — M.: Znanie, 1983. — 128 s.
- Zamyatina I. V.* Grammatika russkogo prichastiya: monografiya. — Penza: PGPU im. V.G. Belinskogo, 2009. —

264 s.

Ivannikova E. A. O tak nazyvaemom protsesse ad'ektivatsii prichastiy // Voprosy istoricheskoy leksikologii i leksikografii vostochnoslavyanskikh yazykov. — M., 1974. — S. 279-304.

Il'enko S. G. Yavleniya grammaticheskoy perekhodnosti i ikh otrazhenie pri obuchenii russkomu yazyku (na primere substantivatsii prilagatel'nykh) // Semantika perekhodnosti. — L., 1977. — S. 23-30.

Karazhaev Yu. D. Dvuprirodnost' prichastiy i problema ikh morfologicheskogo statusa [Elektronnyy resurs] / Yu. D. Karazhaev, E. S. Kachmazova // Istoriya i filosofiya kul'tury. Aktual'nye problemy: sb. nauchnykh trudov / pod red. S. V. Arkhipova. — Vladikavkaz: Severo-osevskiy gosuniversitet, 2005. — Vyp. 8. — Rezhim dostupa: <http://svarkhipov.narod.ru/pupyurii.ht.n>.

Karpenko E. Yu. Funktsional'no-semanticheskii potentsial polnogo prichastiya v sovremennom russkom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 / Karpenko Elena Yur'evna. — M., 2004. — 15 s.

Lopatin V. V. Substantivatsiya kak sposob slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke // Russkiy yazyk. Grammaticheskie issledovaniya. — M., 1967. — S. 205-232.

Lukin M. F. Morfologiya sovremennogo russkogo

yazyka. — M.: Prosveshchenie, 1973. — 232 s.

Lukin M. F. Transformatsiya chastei rechi v sovremennom russkom yazyke. — Donetsk: Izd-vo Donetsk. un-ta, 1973. — 100 s.

Peshkovskiy A. M. Russkiy sintaksis v nauchnom osvещenii. — Izd. 7-e. — M., 1956. — 451 s.

Potebnaya A. A. Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1. — Voronezh: Tipografiya N.D. Gol'dshcheyna, 1874. — 161 s.

Protchenko I. F. O substantivirovannykh prilagatel'nykh i prichastiyakh so znacheniem litsa // Russkiy yazyk v shkole. — 1958. — № 4. — S. 7-11.

Russkaya grammatika. — M.: Nauka, 1980. — T. I. — 783 s.

Sazonova I. K. Russkiy glagol i ego prichastnye formy. Tolkovno-grammaticheskii slovar'. — M.: Russkiy yazyk, 1989. — 587 s.

Sazonova I. K. Prichastiya v sisteme chastei rechi i leksiko-semanticheskaya derivatsiya // Voprosy yazykoznaneya. — 1975. — № 6. — S. 87-98.

Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskii slovar' / gl. red. V. N. Yartseva. — 2-e izd. — M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1988. — 685 s.

Данные об авторах

Ирина Викторовна Замятина — доктор филологических наук, доцент, Пензенский государственный университет (Пенза).

Адрес: 440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40.

E-mail: zamyu-irina @ yandex.ru.

Галина Юрьевна Сызранова — кандидат филологических наук, доцент, Тольяттинский государственный университет (Тольятти).

Адрес: 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: optima.60@mail.ru.

About the authors

Irina Viktorovna Zamyatina, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Theory and methodology of Preschool and Primary Education, Faculty of Pedagogy, Psychology and Social Sciences, Pedagogical Institute named after V. G. Belinsky of Penza State University (Penza).

Galina Yurievna Syzranova, Candidate of Philology, Associate Professor, Togliatti State University (Togliatti).